

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ГОРОДА

МЫ ВЕРНУЛИСЬ. ЗДРАВСТВУЙ, ГОМЕЛЬ!

лочи — дома и стены помогают. Волновались за дядю, который был на фронте, за дедушку — он еще не вернулся из эвакуации.

Что в это время представлял освобожденный Гомель? Руины на руинах. На улице Спартака был разрушен один дом, остальные уцелели. Воду брали из реки, освещались коптилками, отапливались всяким хламом. На улицах — редкие прохожие, одетые в то, что нашлось. Встречались только в очередях за хлебом. Детей со двора не выпускали. Как только темнело, улицы вообще пустели. За луч света, проникший сквозь светомаскировку, можно было лишиться свободы. В городе орудовали банды. Обком партии размещался возле нас, по улице Пролетарской, дом №15, где теперь находится Комитет государственного контроля. На улице Спартака для работников обкома были построены два деревянных дома, такие же дома для его работников постро-

или надо рвом (теперь на этом месте Дворец спорта). Вдоль парка, по улице Пролетарской до ул. Ветреной (ныне улица Гагарина), тянулась высокая стена, на ней встречались плакаты, оставшиеся с 1941 года. В стене была калитка из толстой металлической решетки. Со стороны парка, напротив калитки, была небольшая огороженная колючей проволокой территория, все остальное для посетителей было пока закрыто, там хозяйничали саперы. Война же! Уже работали школы, музыка и музучилище.

Ритм жизни в городе подчинялся военному времени. Рабочая неделя длилась 6 дней. В воскресенье ходили на воскресники разбирать завалы. Дисципли-

на была железная, за 5 минут опоздания на работу тут же увольняли. Люди знали только одно слово "надо". Магазинов не было, кроме тех, где отоваривались хлебные карточки. Самым бойким местом в городе была "барахолка". Здесь менялось все, что можно было поменять. Мы с бабушкой, когда пришли туда первый раз, опешили: столько народу, полно нищих, цыган; крик, гам; шныряют босаяки-воришки, чумазые, в каких-то взрослых пиджаках на голом теле, портках, подпоясанных веревкой, в картах, всегда босые. Потом мы ходили с бабушкой на "барахолку" каждые выходные, когда торги были в самом разгаре. Там же купили платье, из которого маме сделали красивое концертное платье, и портьеры плюшевые. Из них бабушка сшила маме размахайку под пояс (без пуговиц), на ногах у нее были кожаные туфельки с резиновыми ботинками, на голове — беретик, так мама ходила зимой, а морозы были до 30 градусов. Говорили, что мама, как преподаватель училища, хорошо одевается (по меркам).

Дома, в комнатке, за кухней, у нас было тепло. На работе тоже топили печи. Но на шефские концерты они часто ездили на грузовике, укрывшись плащ-палаткой, в любую погоду. Везде их очень ждали, согревали теплые встречи со зрителями и аплодисменты. А концерты были в госпитальных, детдомах и в других местах. Возвращалась она поздно, а завтра раненько — опять на работу. На стене, на вешалке, всегда висело наготове концертное платье, стояли туфельки-лодочки в газетке. Больше всего она боялась прожечь платье утюгом!

Свободного времени у мамы не было. Ночами она часто плакала, сказывались, наверное, ее одинокие возвращения домой, по безлюдному городу. Но Бог милывал!

В нашем доме "хозяйном" был директор хлебозавода. Отношения между нашими семьями установились самые дружеские, а я и его две дочери были неразлучны. Однажды нам организовали экскурсию на хлебозавод. Когда мы втроем подошли к проходной, в ворота въезжал обоз из бочек с водой, запряженный двумя лошадьми (воду везли прямо с реки). На проходной нас встретил часовой с автоматом. Во дворе

рабочие рубили дрова для печей. В цехе две женщины в белых костюмах и белых косынках, закатав брюки, голыми ногами месили тесто. В соседнем цехе заполняли тестом формы. Все делалось вручную! Но как хлеб ждали в городе! Ведь он выдавался строго по карточкам. Чтобы их отovarить, приходилось выстаивать длинные очереди. У нас от запаха испеченного хлеба кружилась голова. Нас угостили горбушками от бракованных буханок, полили их растительным маслом и посолили. Такого вкусного хлеба я никогда больше не ела!

Самыми нужными людьми на нашей улице были сапожник и портниха. Так как вещи покупались на "барахолке", то их приходилось перешивать, подгонять, так что работы у них всегда хватало. Нам было легче, у нас бабушка сама хорошо шила. Часто бывая на "барахолке", она себе подбирала нужное. А я с ней всегда любила ходить еще и потому, что она покупала леденец — "петушок на палочке", благо "барахолка" была там, где теперь Центральный рынок, от нас совсем недалеко.

Самый почетный человек, который появлялся ежедневно на нашей улице, была почтальон. Когда она шла, каждый выглядывал из-за забора и с замиранием сердца смотрел, к кому она сегодня направляется. Часто, когда она закрывала калитку, во дворе раздавался страшный крик, это значит, пришла похоронка. Все соседи молча заходили в этот двор, чтобы как-то поддержать, посочувствовать, но никто не мог знать, что завтра принесут им. Бывало, получив солдатский треугольник, бежали по улице, размахивая им, и кричали от радости. Все соседи улыбались. Письма очень поддерживали людей в это тяжелое время. В Москве жила бабушкина сестра, всю войну она регулярно присылала письма своим родным, таким образом помогая им найти друг друга. По городу висели плакаты "Все для Победы". Еще источником информации было радио — "черная тарелка", она играла особую роль в настроении людей. По городу были развешаны репродукторы. Голос Левитана знали все. В том, в 1944 году, Левитан часто сообщал, что наши войска такого-то числа освободили город N... Люди, услышав такие сообщения, обнимались, целовались от радости даже с совсем незнакомыми.

До победы оставалось немного.

Майя ЛАШУК.